

СИСТЕМА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ДОРЕФОРМЕННОЙ СИБИРИ XVIII – XIX вв.

*А. В. Гаврилова, А. Е. Серафимович*THE SYSTEM OF PUBLIC PROSECUTIONS IN THE PRE-REFORM SIBERIA
IN THE 18TH – 19TH CENTURIES*A. V. Gavrilova, A. E. Serafimovich*

В статье рассматривается становление и функционирование в Сибири новой модели прокурорского надзора, регламентированной Учреждением 1775 г., анализируются деятельность губернских и окружных прокуроров и стряпчих, раскрываются проблемы и противоречия в развитии сибирской прокуратуры и меры по их устранению. Констатируется наличие в Тобольской губернии достаточно четко отлаженной системы надзора, которая представляла собой своего рода «пилотный» вариант новой модели прокурорского надзора, реализованной в период Судебной реформы Александра II. Делается вывод о необходимости кардинальной реорганизации института региональной прокуратуры и улучшения его кадрового состава.

The paper discusses the formation and functioning in Siberia of a new model of public prosecution, the regulated by the 1775 Statute, the activities of the provincial and district attorneys and solicitors are analyzed, the problems and contradictions in the development of the Siberian prosecution and measures to eliminate them are described. The authors state that a fairly well-established system of supervision existed in Tobolsk Province, which was a sort of “pilot” version of the new model of the Prosecutor's supervision, over the period of the judicial reform of Alexander II. The conclusion about the need for a major reorganization of the Institution of regional Prosecutor's office and improve its workforce.

Ключевые слова: сибирское правосудие, Тобольский суд, прокуратура.

Keywords: Siberian justice, Tobolsk Province court, public prosecution.

Права и обязанности прокурора на территории сибирского региона в период, предшествовавший судебным преобразованиям XIX столетия, изначально регламентировались «Учреждением управления губерний Российской империи» 1775 г.: «...вообще губернский прокурор и губернские стряпчие смотрят, и бдение имеют о сохранении везде всякого порядка законами определённого, и в производстве и отправлении самих дел. Они сохраняют целостность власти, установлений и интереса императорского величества, наблюдают, чтоб запрещённых сборов с народа никто не собирал, и долг имеют истреблять повсюду зловерные взятки» [7].

Губернский прокурор надзирал за точным исполнением законов и указов в суде, нарушением присяги, общественного спокойствия и правил благочиния. В случае нарушения действующих законов и подзаконных актов должностными лицами и обычными подданными, нанесении ущерба казне, либо общественному имуществу и интересам, медлительности при исполнении долга и служебных обязанностей, губернский прокурор должен был сообщить губернскому правлению или генерал-прокурору («ибо во всех губерниях губернский прокурор есть око генерал-прокурора») о замеченных им нарушениях.

Губернский прокурор, кроме того, являлся лицом, координирующим деятельность губернского правления с губернской Судебной палатой.

Согласно «Учреждению Сибирских губерний» губернский прокурор являлся членом губернского совета – коллегиального совещательного органа при губернаторе, призванного в некоторой степени ограничивать власть последнего. В штате губернского прокурорского надзора также состояли двое губернских стряпчих – по казённым и уголовным делам.

Прокурорский надзор за исполнением судебных решений в сибирских уездах первоначально осуществляли уездные стряпчие. Они подчинялись томскому губерскому прокурору и томскому окружному

стряпчему [1, с. 220]. Деятельность окружных стряпчих также регламентировалась Уложением 1775 г., дополненным различными законодательными актами, внесенными в Свод законов 1832, 1842 и 1857 гг. При этом необходимо отметить, что компетенция окружных стряпчих, как и их ранговая принадлежность – титулярный советник, на протяжении всей первой половины XIX века практически не менялась. Те многочисленные указы, которые были введены в действие в этот период, лишь уточняли и дополняли существующее по реформе 1775 г. законодательство.

Отметим, что законодательство XIX столетия различало три вида округов. Прокурорский надзор существовал только в округах первой категории. Там и существовала должность окружного стряпчего, который одновременно являлся членом окружного совета. В округах же второй и третьей категории существовал упрощённый состав органов управления, не было окружного стряпчего, как, впрочем, и окружного суда.

Это порождало дополнительные сложности. Так, до образования Мариинского округа прокурорская часть находилась в ведении томского губернского прокурора. Село Кийское, входившее в состав Томского округа, курировалось томским окружным стряпчим. В случае, если возникала необходимость присутствовать в Кийском для рассмотрения каких-либо дел, туда командировался окружной стряпчий из губернского центра или стряпчие самой губернской прокуратуры. Так, известно, что в 1831 году село посетил стряпчий Кириллов, в следующем году в Кийском побывал стряпчий Андрюков, еще через год туда приезжал стряпчий Старцев. Одним из последних стряпчих, курирующих Кийское и его окрестности, был И. Любимов. Такая система «прокурорского курирования», безусловно, не способствовала поддержанию законности на должном уровне [3, л. 43].

Окружной стряпчий подчинялся непосредственно губерскому прокурору и выполнял те же функции, что и его начальник, но только на окружном уровне.

Важнейшей его обязанностью была проверка всех документов, которые велись в присутственных местах округа: окружном суде, казначействе и т. д. Стряпчий проверял правильность составления дел, и если находил их соответствующими законности, то ставил на бумагах свою подпись. Если стряпчий усматривал в делах нарушения, то он ставил в известность губернского прокурора, который и принимал меры к их устранению. Так, в феврале 1824 г. кузнецкий окружной стряпчий заметил в делах Кузнецкого земского суда некоторые незаконные действия. По одному из уголовных дел земской суд запросил сведения о возрасте обвиняемого у Тобольской духовной консистории. Опираясь на указ Сената от 28 декабря 1823 г., кузнецкий окружной стряпчий заявил, что по уголовным делам земскому суду достаточно взять сведения о возрасте обвиняемого из ревизских сказок и не обременять духовную консисторию напрасной перепиской. Томский губернский прокурор полностью поддержал мнение окружного стряпчего, в результате губернское правление подготовило соответствующий указ Кузнецкому земскому суду [3, л. 121].

Помимо просмотра всех бумаг, окружной стряпчий обязан был участвовать в рекрутском присутствии, в освидетельствовании сумасшедших, при всех казенных торгах, при освидетельствовании казенного имущества. В судебных процессах стряпчий обязан был заботиться о том, чтобы обвиняемый воспользовался всеми предоставленными ему по закону средствами защиты. Он обязательно должен был присутствовать при допросах глухонемых и лиц, не знающих русского языка.

Анализируя архивные документы Государственного архива г. Тобольска, можно отметить четко налаженную систему отчетов на подведомственной территории, которые ежемесячно подавались стряпчими Тобольскому губернскому прокурору. К их числу относятся подробные рапорты о полученных ордерах и представлении сведений о перешедших в купцы мещан, рапорты о бывших в отпуску чинов, рапорты прокуроров и уездных стряпчих о поступивших и убывших делах. Чрезвычайно информативны рапорт уездного стряпчего Тарского уезда Панова об отсутствии вновь прибывших уголовных дел, его же отчеты о прибытии дел, адресованных нижней расправе, городовому магистрату и нижнему земскому суду. Наглядными иллюстрациями для характеристики криминогенной ситуации на территории региона и специфики уголовного судопроизводства являются рапорты «О поступившем деле в нижнюю расправу о беглом с винокуренного завода ссыльного колодника Савельеве и Ерофее Стромове и о совершенных ими злодеяний, и принятом решении об отправлении данного дела в верхний надворный суд», «Рапорт о поступившем в нижний земский суд дела о беглом колоднике и совершенном им грабеже». Специфику взаимоотношений различных судебных инстанций на примере нижнего земского и волостного судов отражают рапорты уездного стряпчего Березовской округи от 15 и 20 июня 1796 г. [2, л. 1 – 78].

Стряпчие по уголовным делам могли инициировать возбуждение уголовного дела по уголовным делам, где отсутствует истец, но имеются доказательства совершения незаконных действий.

На стряпчих по казенным делам, в свою очередь, возлагались функции представления заключений в

соответствии законодательством в подведомственной области как в случае нарушений порядка подачи жалобы по казенным делам, так и по делам, нарушающим общий порядок.

Так, в доносе стряпчего Тобольской губернии по казенным делам на тобольского городничего Топоркова говорилось о его многочисленных противоправных должностных действиях и о нарушенных в результате этих действий государственных интересах. Предметом особой печали стряпчего было то обстоятельство, что высокопоставленный чиновник за эти действия «...суду не был предан». Примечательно, что реакция Правительствующего Сената была незамедлительна – довести следственные действия до конца и передать дело на рассмотрение Тобольского губернатора [5, л. 13].

Заботили стряпчих и финансовые интересы государства. В том же доносе уже губернское правление обвинялось в сокрытии произведенного следствия городничим Топорковым о мещанах Григории и Максими Седых, Иване Евсине и купце Передовщикове, которые во время содержания в Тобольске питейных сборов продавали вино дороже установленной цены. В данном случае Сенат предписал немедленно найти указанное дело и предать суду откупщиков [5, л. 1].

При осуществлении своей деятельности стряпчие имели право затребовать любую информацию, касающуюся сферы их деятельности – по земельным спорам, всем финансовым делам и т. д.

Так, в доносе 1797 г. стряпчего Тобольской губернии по казенным делам указывалось о совершении незаконных действий Казенной палатой Тобольской губернии: она по результатам расследования на винокуренных заводах по усушке и утечке вина не доставляет в палату суда необходимые следствию сведений [5, л. 12].

На стряпчих возлагалась и обязанность защиты государственных интересов в делах, связанных с нарушениями общего порядка, незаконными сборами и налогами, взяточничеством, а также интересов частных лиц (при нарушении прав малолетних и др.).

В доносе губернского стряпчего Тобольской губернии коллежского асессора Кормовичского (июня 1797 г.) большая часть губернских чиновников обвинялась во взятках, хищении и утрате государственного имущества, чрезмерном угнетении государственных крестьян, в незаконных назначениях на должности ссыльных, более того, в приписке их ко второму разряду купечества, в привлечении обер-офицеров к таким служебным обязанностям, с которыми они не только не справляются, но и допускают поступки, не соответствующие принесенной присяге, а то и злоупотребления [5, л. 33].

В том же доносе обращалось внимание, в частности, на действия земского исправника в Томском округе. Отмечались и «лихоимство» с государственных крестьян (ржаной и пшеничной мукой, домашними животными), и отправление крестьян летом на заработки, что отрывало последних от хлебопашества и, естественно, приводило их хозяйство к разорению. Кроме того, указывалось на допущение земским исправником насильственных действий в отношении крестьян. Стряпчий отмечал, что обо всех этих преступлениях он ранее сообщал Губернскому правлению, однако земский исправник так и не был отдан под суд уголовной палаты.

В ответ на этот донос Правительствующий Сенат поставил губернскому правлению данные попустительства на вид, с указанием в дальнейшем быть в отношении назначения на должности более осмотрительными; губернскому же прокурору, в свою очередь, было указано на необходимость возбуждения уголовного дела по указанным незаконным действиям [5, л. 3].

Кроме того, в его функции входило обеспечение соблюдения порядка «в судебных местах» с правом наложения взыскания на его нарушителей; контроль за своевременностью созыва заседаний судов, соблюдения ими норм судопроизводства, своевременность и точностью исполнения решений окружных судов. Окружной стряпчий надзирал за соблюдением законов всеми органами управления и должностными лицами уезда. В случае установления факта нарушений действующего законодательства, как и в ситуации отмеченной выше, уездный стряпчий обязан был уведомить губернского прокурора.

Значительные по объему обязанности создавали много проблем в Деятельности стряпчих. К середине XIX века количество проверяемых стряпчими бумаг выросло настолько, что они уже не могли выполнять другие свои обязанности. В некоторых округах прокурорам и стряпчим приходилось ежедневно проверить по 200 листов документов, а ведь их нужно было не просто прочитать, но и изучить, и дать свое заключение [6, с. 115].

Надо заметить, что не всегда стряпчие относились к своим обязанностям с усердием и рвением. Так, в Томском губернском правлении рассматривалось любопытное дело. В журнале заседаний было записано: «В деревне Кольонской находился земской исправник Несмелов и губернский стряпчий Зорин, которые, не имея никаких дел, упражнялись только в пьянстве до того, что не были ни одного дня трезвыми; из коих исправник выехал из оной, а стряпчий и после него остался еще в той деревне и проводил время по-

прежнему в одном пьянстве» [4, л. 28]. В итоге губернское правление сняло стряпчего с должности.

Отметим, что широкий спектр прав губернских стряпчих и стряпчих при верхних судах сопровождался и значительным перечнем мер ответственности для тех из них, по вине которых были нарушены чьи-либо интересы. Так, если был оправдан ответчик по делу, возбужденному по заявлению стряпчего, последний обязан был представить ответчику донос и доносителя в целях оправдания своих действий, в противном случае он сам обязывался возместить все причиненные данным иском убытки, мог лишиться своей должности, либо подлежал наказанию, которое следовало бы ответчику в случае признания его вины [5, л. 284].

Уездный стряпчий за свои служебные упущения, недосмотр или пропуск какого-либо нарушения, о чем стало известно губернскому прокурору, мог быть наказан лишением должности, чина, чести или иным взысканием в соответствии с порядком, предусмотренным законом.

Регламентация в законе ответственности стряпчих за недолжное исполнение обязанностей не смогла в рассматриваемый период полностью устранить практику несурзных доносов, которые впоследствии оказывались бесосновательными, и чрезмерной активности по написанию таковых [5, л. 17].

Отмеченные выше упущения, впрочем, не ставят под сомнение наличие в данный период на территории Тобольской губернии достаточно четко отлаженной системы стряпничества, которая представляла собой своего рода «пилотный» вариант новой модели прокурорского надзора, реализованной в период Судебной реформы Александра II.

В то же время практика деятельности системы прокурорского надзора в дореформенной Сибири наглядно свидетельствовала о необходимости кардинальной реорганизации института региональной прокуратуры и улучшения его кадрового состава.

Литература

1. Волчек В. А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006.
2. Государственный архив в городе Тобольске. Ф. 366. Оп. 1. Д. 7.
3. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Д-28. Оп. 2. Д. 6.
4. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Д-28. Оп. 2. Д. 18.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 681.
6. Троцина К. История судебных учреждений в России. СПб., 1851.
7. Учреждение управления губерний Российской империи. 1775 г. Статья 404.

Информация об авторах:

Гаврилова Анжелика Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права КемГУ, 8(3842) 58-23-10, Angelika@kemsu.ru.

Anzhelika V. Gavrilova – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

Серафимович Анна Евгеньевна – ассистент кафедры теории и истории государства и права КемГУ, Anna_serafima@mail.ru.

Anna E. Serafimovich – Assistant Lecturer at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.12.2014 г.